

— Чжу, брат, как ты здесь оказался?

Чжу Чэнчжан просиял:

— О, младший брат Чэн, как же я рад видеть, что ты цел! Скорее уходи в тыл, прячься! Эти псы из банды Сянма сговорились с чиновниками и снова пошли в набег!

— Цзин... нет, я хотел спросить, где лекарь Фу?

— Он впереди, раненых спасает. Это он мне строго-настрого наказал тебя уберечь. Ты в боевых искусствах не силен, здесь опасно. Идем, я отведу тебя в безопасное место... Эй, брат, ты не туда бежишь! Это же зернохранилище!

Не успел Чжу Чэнчжан договорить, как Фу Цзюньяо уже умчался далеко вперед. Его ноги мелькали так быстро, словно он был на колесницах ветра и огня. Он несясь прямо к самому пеклу, и вскоре его фигура растворилась в ночной мгле. Чжу Чэнчжан остался стоять на месте, глядя на раздавленный ботинок, который Фу Цзюньяо обронил на бегу. Он не удержался и проворчал:

— Даже если торопишься на тот свет, хотя бы обувь надень...

Фу Цзюньяо добрался до места пожара, и там творился сущий хаос. В эту эпоху не было ни пожарных гидрантов, ни обученных отрядов спасателей. Только толпа невежественных мужиков бестолково носилась с тазами и ведрами к дальнему колодцу. Разве можно было такой эффективностью потушить пожар?

Зернохранилище примыкало к лесу, вокруг было много легковоспламеняющихся деревьев, но хватало и земли. Принцип тушения прост: либо охладить, либо перекрыть доступ кислорода. Фу Цзюньяо, не раздумывая, схватил брошенный на землю таз, зачерпнул полную емкость земли и швырнул в огонь, выкрикивая:

— Дальней водой ближний пожар не затушить! Все, бросайте землю в огонь, так пламя тоже погаснет!

К несчастью, Фу Цзюньяо был здесь новичком, к тому же вечно пропадал за приготовлением отваров, поэтому его почти никто не знал. Сначала его никто не слушал, и ему пришлось подавать пример самому, раз за разом бегая туда-сюда. Увидев, что это дает результат, люди наконец последовали его примеру.

Огонь постепенно удалось взять под контроль, но запасы внутри, скорее всего, уже сгорели. Те, кто не пострадал, бросились внутрь, вытаскивая раненых, и округу огласили стоны боли.

— Принесите несколько тазов холодной воды! — рявкнул Фу Цзюньяо. Он выхватил таз с остатками воды и погрузил в него обожженные конечности нескольких пострадавших.

Он выбежал в спешке и не взял с собой лекарств, но серебряные иглы, с которыми лекарь никогда не расстаётся, были при нём. Фу Цзюньяо немедленно раскрыл футляр и, присев рядом с ближайшим раненым, принялся искать нужные точки.

— Эй, ты вообще лечить умеешь? Иглами нельзя тыкать куда попало! — крикнул кто-то из толпы.

Фу Цзюньяо, найдя нужную точку, молниеносно вонзил иглу, даже не подняв глаз:

— Если я не умею, то, может, ты умеешь?

— Ах ты! Да я тебя сейчас ударю! — болтун закатал рукава, готовый броситься в драку.

Но раненый вдруг вскрикнул:

— Ой, кажется, уже не так больно.

Фу Цзюньяо убрал иглы и поспешил к другому пострадавшему. Болтливый мужчина как раз преградил ему путь, чувствуя себя крайне неловко. Фу Цзюньяо оттолкнул его и бросил через плечо:

— Не мешайся под ногами. Если здоров — иди зови других лекарей, здесь слишком много раненых.

— Хм! — мужчина, раздуваясь от злости, поплелся звать людей.

— Лекарь, скорее сюда! Тут человека придавило горячей балкой, он вот-вот умрет! — раздался крик.

Фу Цзюньяо немедленно подоспел на помощь. Раненый, безвольно прислонившись к родственнику, тяжело дышал. Его бедро было раздроблено, плоть превратилась в кровавое месиво, пропитавшее траву вокруг.

Фу Цзюньяо приложил пальцы к запястью и обнаружил, что пульс мечется, как загнанный зверь — ситуация была критической. Он поставил восемь игл в жизненно важные точки, погружая их на два фэня, но кровь не останавливалась. Раненый издал сдавленный стон, и его дыхание стало затихать.

— Лекарь, его можно спасти? — губы родственника дрожали, в глазах стояли слезы. Казалось, он вот-вот потеряет близкого человека.

В эпоху, когда медицина была не развита, даже пустяковая рана могла стать фатальной.

Фу Цзюньяо нервничал, пот градом катился по лицу. Он быстро вытащил иглы и снова принялся искать точки. Снова те же восемь точек, на этот раз он вогнал иглы на три фэня, но улучшений не было. Раненый был при смерти.

— Плохо дело. Рана слишком глубокая, а жар от балки был слишком сильным, кровь никак не остановить!

— Старина Ли, ты только не умирай... — родственник зарыдал в голос, и окружающие погрузились в скорбь.

Фу Цзюньяо снова вытащил иглы и приложил пальцы к пульсу. Его руки так вспотели от напряжения, что он едва мог нащупать ритм.

— Вода пришла! — вдруг крикнул кто-то.

Фу Цзюньяо осенило. Он вонзил иглу в точку у сердца, чтобы замедлить кровоток, и, выхватив таз с холодной водой, выплеснул всё содержимое на раненого.

— Ты что творишь! — вскрикнул родственник, который тоже промок до нитки.

— Кто это вообще такой?

— Он точно лекарь?

Вокруг зазвучали недовольные возгласы, но Фу Цзюньяо не обращал на них внимания. Он снова ввел иглы в те же восемь точек, на этот раз на два с половиной фэня. Кровотечение наконец начало стихать.

Фу Цзюньяо с облегчением выдохнул.

— Лекарь Фу, — позвал кто-то.

— Что случилось? — он инстинктивно обернулся и увидел Чэн Цзинсюаня, который нес аптечку.

Люди растерянно переводили взгляд с одного лекаря на другого.

— Кхм-кхм... — Фу Цзюньяо кашлянул и тут же исправился: — Господин Фу, вы наконец пришли! Я оправдал ваше доверие!

Чэн Цзинсюань ободряюще похлопал его по плечу и воспользовался моментом, чтобы слегка

сжать его ладонь:

— Ты отлично справился, ты очень устал.

Только тогда люди поняли, в чем дело, и их лица прояснились.

Чэн Цзинсюань опустился на колени, открыл аптечку, достал кровоостанавливающее средство и присыпал рану, а затем протянул родственнику баночку мази:

— Меняйте повязку дважды в день, следите, чтобы рана не намокла. Помните, это очень важно.

Родственник раненого прослезился и принялся благодарить Чэн Цзинсюаня, вытирая слезы, смешанные с потом:

— Благодарю вас за спасение жизни, господин Фу! Спасибо вам огромное!

Вокруг послышались слова восхищения.

Теперь Фу Цзюньяо наконец смог по-настоящему расслабиться.

Чэн Цзинсюань раздал остальным лекарства, организовал перенос раненых в жилые помещения и распорядился навести порядок. Наконец они остались вдвоем.

— Ты в порядке? — с беспокойством спросил Чэн Цзинсюань.

Фу Цзюньяо усмехнулся и сделал пару шагов, чтобы подойти ближе:

— Что со мной станется? Я только и делаю, что спасаю других.

Чэн Цзинсюань заметил, что звук шагов Фу Цзюньяо звучит как-то странно, посмотрел вниз и нахмурился:

— Где твоя обувь?

Фу Цзюньяо тоже посмотрел на свои ноги и только сейчас осознал, что бегал повсюду босиком. Неудивительно, что он чувствовал какой-то дискомфорт.

Он сконфуженно почесал затылок:

— Кажется, потерял, когда тушил пожар.

Чэн Цзинсюань с укоризной посмотрел на него:

— Совсем ты не бережешь себя.

У Фу Цзюньяо екнуло сердце. Этот тон напомнил ему времена, когда он был Младшим братом Фу, и Господин Чэн вечно гонял его мыть руки. Неужели всё вернется на круги своя?

Пока он предавался этим мыслям, Чэн Цзинсюань уже закинул аптечку за спину и подхватил его на руки, уложив поперек себя.

— Сначала вернемся, потом поговорим.

Это что... поза принцессы? За кого он меня принимает?!

— Что ты делаешь! — господин Фу пришел в ярость и дернул ногой, готовый в любой момент сбросить обидчика на землю.

Чэн Цзинсюань взмахнул рукой и отвесил ему легкий шлепок пониже спины.

Лицо господина Фу залилось краской. Он уже хотел было отчитать этого старого развратника, пользующегося случаем, чтобы распускать руки, как вдруг услышал ледяную угрозу:

— Еще раз дернешься — брошу в кусты. В это время года там полно мелкой живности, которая будет рада составить тебе компанию.

Фу Цзюньяо застыл. В голове тут же возникли образы жутких змей и насекомых, ползающих по нему и жаждущих обсудить смысл жизни. Ему стало так страшно, что он не осмелился пошевелиться.

Чэн Цзинсюань донес Фу Цзюньяо до своей комнаты и решительно бросил его на кровать.

Господин Фу настороженно скрестил руки на груди:

— Что ты собираешься делать?

Чэн Цзинсюань замер на секунду, а затем посмотрел на него с нескрываемым отвращением:

— Ты слишком много о себе возомнил.

Господин Фу гордо задрал нос:

— Хм, ты просто кривишь душой. В глубине души ты любишь меня до безумия, а снаружи строишь из себя недотрогу.

Чэн Цзинсюань закатил глаза и молча вышел из комнаты.

Просто взял и ушел? Фу Цзюньяо чувствовал, что это еще не конец.

В комнате горел светильник, обстановка была строгой и лаконичной. Фу Цзюньяо вспомнил свой собственный бардак. Комнаты были одинакового размера, но у Чэн Цзинсюаня она казалась просторнее, к тому же здесь было так чисто, что даже кровать казалась мягче.

Господин Фу, не удержавшись, попрыгал на кровати. И правда, мягкая! Он с глупой улыбкой повалился на простынях, впитывая аромат лекарственных трав, такой же, как от самого Чэн Цзинсюаня. Он наслаждался этим запахом, как вдруг почувствовал что-то странное.

Фу Цзюньяо посмотрел вниз и — о боже! На простыне отпечатались черные следы его ног, испачканные сырой землей. Если этот фанат чистоты увидит такое, ему не жить!

Фу Цзюньяо подскочил и принялся отряхивать простыню, но стало только хуже. Ему пришлось сорвать её и, когда он уже собирался нести её стирать, дверь со скрипом отворилась.

Чэн Цзинсюань вошел с тазом воды.

— Легко на помине... нельзя же поминать человека по ночам, — Фу Цзюньяо в панике зачихнул простыню обратно и накрыл её одеялом, одарив вошедшего заискивающей улыбкой: — Почему ты вернулся?

Чэн Цзинсюань поставил таз и, нахмурившись, усадил его обратно на кровать:

— Не ходи по полу босиком.

Фу Цзюньяо усмехнулся:

— Я просто боялся испачкать твою кровать.

Хотя на самом деле он её уже испачкал, аминь.

Чэн Цзинсюань бросил на него косой взгляд и молча закатал рукава выше локтей.

Сердце Фу Цзюньяо ушло в пятки — неужели он понял, что я натворил, и теперь собирается меня бить?

Фу Цзюньяо в страхе зажмурился, но Чэн Цзинсюань лишь принудительно опустил его ноги в таз. Горячая вода окутала ступни, принося невыразимое наслаждение.

Чэн Цзинсюань опустил руки в воду и принялся бережно отмывать грязь с его ног.

Лицо господина Фу снова покраснело, он забормотал:

— Не надо... тут слишком грязно, я сам...

Чэн Цзинсюань поднял на него взгляд. В оранжевом свете свечи его лицо казалось необычайно нежным:

— Ты такой грязнуля, но я рано или поздно привыкну.

Фу Цзюньяо почувствовал, как сердце растаяло, словно он выпил целую кастрюлю меда с сахаром.

Чэн Цзинсюань, мягко массируя его лодыжки, негромко произнес:

— Цзюньяо, ты сегодня был слишком опрометчив.

Фу Цзюньяо, одурманенный этой порцией нежности, не подумав, брякнул:

— Но я же тебя сегодня не целовал.

Чэн Цзинсюань замер, медленно поднял голову и посмотрел на него.

Фу Цзюньяо запоздало осознал, что сказал, и принялся махать руками:

— Я не это имел в виду...

Чэн Цзинсюань тихо рассмеялся, и воздух в комнате словно завибрировал от удовольствия:

— Оказывается, ты об этом жалеешь.

— ... — Фу Цзюньяо был готов провалиться сквозь землю от стыда.

Чэн Цзинсюань взял полотенце и не спеша вытер его ноги досуха. Это должно было быть приятным занятием, но для господина Фу, только что сболтнувшего лишнее, это было сладкой пыткой. Он боялся даже вздохнуть, а его лицо пылало ярче весенних цветов.

— Надень мои носки и обувь, завтра утром вернешься и переоденешься.

— Хорошо, — глупо отозвался Фу Цзюньяо. Он потянулся за обувью, но Чэн Цзинсюань перехватил его руку.

— Просто сиди.

Чэн Цзинсюань достал хлопковые носки, аккуратно надел их ему на ноги, вложил ступни в сапоги и слабо завязал тесемки:

— Встань, пройдись, посмотри, подходят ли.

Фу Цзюньяо послушно встал и сделал пару шагов. К его удивлению, обувь пришлась впору, словно была сшита на заказ, а материал был гораздо приятнее того, что он носил раньше.

— Очень удобно, — сказал он.

— Вот и хорошо, — Чэн Цзинсюань, вытирая руки, вернулся к теме разговора: — Цзюньяо, ты не должен был показывать свои навыки врачевания при стольких свидетелях. Чжу Юн не оставит это без внимания, боюсь, это принесет тебе бесконечные неприятности.

Фу Цзюньяо замер, в душе на мгновение промелькнуло необъяснимое разочарование:

— Я не думал об этом. Там была такая неразбериха, столько раненых... Я хотел просто охладить их водой, а потом появился тот человек с раздробленным бедром. Он терял слишком много крови, тебя не было рядом, лекарств тоже. Если бы я не вмешался, он бы точно умер.

Чэн Цзинсюань помолчал и вздохнул:

— Сердце лекаря подобно родительскому. Если бы тебя попросили смотреть, как человек умирает, ты бы всё равно не смог остаться в стороне.

Только тот, кто прошел через смерть, по-настоящему понимает ценность медицины. Фу Цзюньяо вырос в семье врачей и с детства видел жизнь и смерть, встречи и разлуки. Именно поэтому он ценил жизнь больше других. И прежний Фу Цзюньяо, и пришелец из современного мира — никто из них не мог просто смотреть на чужие страдания.

— Я снова принес тебе неприятности, да?

Чэн Цзинсюань покачал головой:

— Мне-то что... Просто боюсь... Впрочем, не будем об этом. Оставайся пока здесь, а все проблемы решим завтра.

Фу Цзюньяо вздрогнул и чуть не подскочил:

— Здесь же всего одна кровать! Если я буду спать здесь, то где будешь ты?

Чэн Цзинсюань указал на шезлонг:

— Если что-то случится, сразу зови меня.

— ... — он что, и правда решил оберегать меня как девицу?

Господин Фу в расстройстве скрестил руки на груди, вытянул длинные ноги и прислонился к шкафу, приняв свой обычный развязный вид.

Чэн Цзинсюань приподнял бровь:

— Еще не спишь?

Господин Фу недовольно закатил глаза, словно у него на лбу было написано: «я злюсь».

Чэн Цзинсюань беспомощно покачал головой и рывком притянул его к себе.

— Ты чего... — начал было господин Фу, но его губы были накрыты чем-то теплым.

Он широко открыл глаза, видя перед собой красивое, слегка брезгливое лицо Чэн Цзинсюаня, которое неумолимо приближалось...

Его мозг отключился.

Чэн Цзинсюань слегка прикусил его за губу, словно мстя за прошлый укус, и быстро отстранился:

— Теперь доволен? Можешь спать?

— ...

<http://bllate.org/book/20359/2035419>